

УДК [001:930] (477.75)–057.4

К БИОГРАФИИ Г. А. БОНЧ-ОСМОЛОВСКОГО: ИСТОЧНИКИ И КОММЕНТАРИИ

Платонова Н. И.

*Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: niplaton@gmail.com*

На основании малоизвестных источников, материалов семейного архива восстановлена история формирования архивного наследия выдающегося советского археолога и антрополога, доктора исторических наук Г. А. Бонч-Осмоловского (1890–1943). Обозначены основные проблемы доступности неопубликованного наследия ученого, сосредоточенного в ведомственных архивах Санкт-Петербурга. Проведен подробный анализ состояния личных архивных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского, многие сведения дополнены информацией из семейного архива. Вводится в научный оборот неопубликованный очерк А. Ф. Бонч-Осмоловского, дяди ученого, составлены соответствующие комментарии. Также публикуются неизвестные записи из дневника Г. А. Бонч-Осмоловского периода 1916–1918 гг., которые помогают проследить эволюцию общественно-политических взглядов ученого, формирования его отношения к революционным событиям. Сформулирован вывод о необходимости монографического освещения жизни, научного пути и анализа наследия Г. А. Бонч-Осмоловского.

Ключевые слова: Г. А. Бонч-Осмоловский, Н. В. Тагеева, А. Г. Бонч-Осмоловский, А. Ф. Бонч-Осмоловский, семейный архив.

1. Архив Г. А. Бонч-Осмоловского: современное состояние

Значение работ Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского (1890–1943) далеко выходит за рамки региональных исследований Крыма. Но именно с Крымом связаны его крупнейшие открытия в области палеолитоведения. Сейчас в литературе имеется уже значительная серия публикаций с анализом различных источников о жизни и деятельности выдающегося ученого-энциклопедиста (Васильев, 1994; Платонова, 1995; 2005; 2009 и др.). Давно уже назрела необходимость их полного обзора и монографического обобщения. Однако архив Г. А. Бонч-Осмоловского, разделенный между двумя хранилищами – Рукописным архивом ИИМК РАН и Архивом Российского Этнографического музея, до сих пор остается не до конца обработанным. Это делает его закрытым – согласно современному российскому законодательству – для исследования и ссылок.

Археологические и антропологические коллекции Г. А. Бонч-Осмоловского, сосредоточенные в МАЭ РАН, ныне полностью доступны для исследования и активно изучаются учеными. Документальному и рукописному его наследию повезло значительно меньше. Судьбу материалов, переданных в архивы, я постаралась уточнить в середине 2000-х гг. (Платонова, 2005). Они были сданы на ответственное хранение еще в начале 70-х гг. XX в., но обработка фондов затянулась на десятилетия. Причиной тому с самого начала послужило отсутствие в архивах ЛОИА АН СССР и ГМЭ (ныне – ИИМК РАН и РЭМ) необходимого количества научно-технического персонала. Так было в 70–80-х гг. XX века, но,

разумеется, ни в годы «перестройки», ни в период сменявших друг друга «кризисов» никаких перемен к лучшему тут не произошло.

В сущности, сейчас сложилась «патовая» ситуация. Хотя в последнее время руководство Научного архива ИИМК РАН старается интенсифицировать обработку фондов, трудно рассчитывать на то, что в ближайшие годы именно материалы Г. А. Бонч-Осмоловского будут полностью систематизированы, а опись фонда утверждена в Архивном комитете Санкт-Петербурга и Ленинградской области (без чего теперь невозможны официальные ссылки на эти источники). Но высокая актуальность научного наследия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте современной науки заставляет искать выход из создавшегося положения. В какой-то степени выход был подсказан недавно, когда трудами Е. А. Бонч-Осмоловской и ряда ее помощников¹ в Москве увидела свет книга «Бонч-Осмоловские. Воспоминания» (Бонч-Осмоловская (ред.-сост.), 2015).

Эта книга – прекрасно изданная, хотя и не имеющая справочного аппарата – представляет собой интереснейший сборник мемуарных и эпистолярных свидетельств, сохранившихся в домашних архивах различных ветвей рода Бонч-Осмоловских. Первоначально она задумывалась как узко семейный проект – публикация «для своих». Однако сейчас уже видно: ее значение шире. Опубликованные источники представляют интерес не только для потомков, но и для историков. Они дают информативный хронологический срез жизни русского провинциального дворянства с 1840-х до 1910-х гг. Они показывают в динамике особенности бытового уклада и менталитета нескольких поколений русского образованного общества, помогают понять механизмы нарастания в нем противоречий и т. д.

В сборнике представлена переписка родного деда Г. А. Иосифа (Осипа) Александровича Бонч-Осмоловского (1831–1879) с целым рядом родственников; воспоминания отца и матери Г. А., двух его братьев и т.д. Материалов, непосредственно касающихся Г. А. и его деятельности, книга почти не содержит – они туда попросту не вместились. Их следует публиковать только отдельным томом (скорее, томами) и только с научным комментарием. Однако уже осуществленная публикация обширного комплекса документов, характеризующих среду, из которой вышел ученый, должна иметь большое значение на новом этапе работы.

Соответственно, первоочередной задачей сегодня становится анализ и публикация документов той части архива Г. А., которая осталась в распоряжении его родных и не может быть закрыта ни от них, ни от других исследователей². Опыт создания первой книги уже показал, как много может дать такая работа, если семейное собрание богато. В данном случае сомневаться в том не приходится.

¹ *Бонч-Осмоловская (урожд. Формозова) Елизавета Александровна (род. 1951)* – доктор биологических наук, профессор, заведующий Лабораторией гипертермофильных микробных сообществ Федерального исследовательского центра РАН «Фундаментальные основы биотехнологии» (Москва). Внучатая племянница Г.А. Бонч-Осмоловского.

² После смерти сына Г. А. Бонч-Осмоловского Андрея Глебовича (1929-2001) распорядителями архива являются автор этих строк и наша дочь Ольга Андреевна Бонч-Осмоловская. На документы этого собрания (включая копии тех, что были сданы в архивы) делается ссылка: «Арх. авт.».

2. Н. В. Тагеева – систематизатор архива Г. А. Бонч-Осмоловского

Появление личных фондов Г. А. Бонч-Осмоловского в архивах ЛОИА и ГМЭ в 1970-х гг. явилось результатом самоотверженных трудов вдовы ученого Надежды Викторовны Тагеевой¹. Именно ею все оставшиеся от него материалы были разобраны, систематизированы, частично скопированы и переданы на хранение.

В фонде Г. А. Бонч-Осмоловского в ГМЭ/РЭМ, помимо материалов к биографии, подготовленных Н. В. Тагеевой (машинописная копия ее очерка «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как этнограф-музеевед», с приложениями), хранятся его рукописи, полевые дневники и другие документы, связанные с этнографическими экспедициями к горным хевсурам (1910–1912 гг.) и исследованиями крымских татар (1920-е гг.).

В архиве ЛОИА/ИИМК РАН основу фонда Г. А. Бонч-Осмоловского (№ 71 по описи фондов) составляют наброски и черновики научных работ по археологии, конспекты публичных выступлений, докладные записки, деловая и научная переписка и т.д. Неразборчивые рукописи Г. А., как правило, сопровождаются машинописными копиями, сделанными Н. В. Тагеевой. Письма к нему зарубежных коллег были переведены ею на русский язык. Наряду с этими материалами, в фонде хранится другой неопубликованный очерк Надежды Викторовны – «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик».

В ГМЭ приемка фонда Бонч-Осмоловского была поручена научному сотруднику Э. Г. Торчинской. В марте 1976 г. она написала Н. В. Тагеевой в Москву: «...примерно, месяц тому назад, в связи с осложнениями по линии строительства экспозиции „Азербайджанцы“ (отсутствие оборудования и т.д.), у меня появился просвет, и я срочно занялась архивом. Не было бы счастья, да несчастье помогло. По мере работы, я все более и более убеждаюсь, что проделанная Вами работа достойна не только уважения, но и восхищения. По сути дела, Вы сделали доступными все записки Г. А., потому что прочесть их смог бы не каждый. Но, несмотря на то, что материал прекрасно подготовлен, приходится, выполняя требования нашего заведующего архивом, все размещать по специально для этого дела предназначенным папкам и конвертам, подшивать, прошивать, пронумеровывать листы. [...]. Все это заняло довольно много времени...» (Арх. авт.).

«В свою очередь, в 1978–1979 гг. мне самой довелось, по окончании кафедры археологии ЛГУ, некоторое время работать в Рукописном архиве ЛОИА. Там я имела возможность ознакомиться с недавно принятым (на тот момент) фондом Бонч-Осмоловского. На мне лежала обязанность сличить машинописные экземпляры с публикациями, выявить дублиеты и т.п. По ходу этого я впервые

¹ Тагеева Надежда Викторовна (1904–1994) – жена Г. А. Бонч-Осмоловского (1939–1943). Геохимик, доктор геолого-минералогических наук. Родилась в Крыму, в семье известного инженера В.Л. Тагеева. Среднюю школу окончила в Феодосии. В дальнейшем окончила географический факультет ЛГУ (1922–1929 гг.). В 1929–38 гг. работала в Ленинграде, в Геохимическом (с 1932 г. – в Нефтяном) институте. В ноябре 1941 г. эвакуирована в Казань вместе с Г. А. Бонч-Осмоловским. С 1945 г. – докторант, в 1949–1963 гг. – научный сотрудник Радиевого института в Москве. Скончалась в Санкт-Петербурге, в доме своих племянниц Семёновых-Тянь-Шанских.

прочла очерк о Г. А., скромно названный Надеждой Викторовной «материалами к биографии». Знакомство с ним произвело на меня сильное впечатление и, во многом, обусловило мой последующий интерес к личности и творчеству этого выдающегося ученого.

Значительно позднее, в 1990 г., я узнала, что, помимо очерков «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как археолог-доисторик» и «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский как этнограф-музеевед», Н. В. Тагеевой был написан третий – «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский на Воркуте». Однако его она не рискнула в 70-х гг. XX в. передать на хранение в государственный архив. Несколько машинописных копий осели в семейных собраниях.»

В середине 80-х гг. XX в. Надежда Викторовна, предвидя свою кончину, передала все оставшиеся у нее документы и материалы Андрею Глебовичу Бонч-Осмоловскому. Среди них оказалось немало материалов к биографии Г. А., которые она не стала сдавать в государственные хранилища, а также машинописные копии подготовленных ею биографических очерков и копии многих других документов.

Сразу отметим: очерки Надежды Викторовны о Г. А. Бонч-Осмоловском начисто лишены «мемуарной составляющей». Она стала его женой достаточно поздно и не являлась свидетельницей его увлекательной исследовательской эпопеи на Кавказе и в Крыму, которая оборвалась в 1933 г. в связи с арестом ученого. Так что писать ей пришлось о чужой жизни, о людях, которых сама она едва знала. Но безусловно это первая серьезная попытка создать научную биографию Г. А. Бонч-Осмоловского.

Если бы ее тексты были изданы в 1970-х гг., для современников они стали бы откровением. С высоты нашего времени, они уже несколько устарели: слишком много фигур умолчания бросается в глаза. Будучи по природе человеком «закрытым», вдобавок сформированным сталинской эпохой, «Эн Вэ, эта железная женщина» (так называл ее пасынок!) привыкла о многом не откровенничать. В ее очерках нет живых воспоминаний даже о последнем периоде – пяти годах их совместной жизни с Глебом (1939–1943). О себе самой она не говорит ни слова. А ведь могла бы рассказать!

Она была моложе его на 14 лет, училась у него в 1920-х гг. на географическом факультете. Должна была помнить, как проходили занятия. Вероятно, наблюдала, что творилось в университете в знаменательный период его коренной перестройки 1929 г., когда ее будущий муж и другие палеоэтнологи были вынуждены оставить преподавание... Ни слова.

Она стала женой Глеба после его освобождения из Воркутинских лагерей, когда еще не была снята судимость и не было права въезда в Ленинград. Она прятала его в своей квартире в дни его нелегальных приездов, пользуясь тем, что ни дворник, ни соседи не догадывались о «сто первом километре». Тогда же она дала ему обещание: *в случае его смерти довести до конца его труд о палеолите Крыма...* И об этом у нее тоже – ни слова.

Г. А. Бонч-Осмоловский

*Г.А. Бонч-Осмоловский – студент
СПб университета. 1909–1910 г.*

Она была с ним в пору его величайшего триумфа – накануне войны Академия наук все-таки пропустила в печать первую монографию бывшего зэка (Бонч-Осмоловский, 1940). Этому предшествовал бесконечный сбор рекомендаций, характеристик, отзывов... В результате судимость была снята, ИИМК распахнул перед ним двери и даже успел в сентябре 1941-го года провести его докторскую защиту... Ни слова.

Она ехала с ним, больным, в эвакуацию, когда в ноябре 1941-го их обоих вывезли самолетом из блокадного кольца. Потом, как могла, налаживала жизнь в Казани в 6-метровой комнатке с построенным сверху «вторым этажом» для его тринадцатилетнего сына Андрея¹. Тогда же и сама начала активно работать в геологии... Ни слова.

После кончины Г. А. в ноябре 1943 г. она три дня и две ночи провела наедине с его телом, отправив Андрея к знакомым и не пуская в комнату никого... Потом достойно похоронила мужа и стала выполнять то, что обещала ему еще в довоенном Ленинграде. Выполнила. Разобрала, перепечатала и подготовила к публикации целую

грудю совершенно неудобочитаемых черновиков – материалов к третьему тому серии «Палеолит Крыма». Не будь ее упорства, издание этой книги под редакцией В. В. Бунака (Бонч-Осмоловский, 1954) оказалось бы попросту невозможным. От гонорара – весьма солидного – она отказалась в пользу Андрея... Но обо всем этом тоже – ни слова.

«Я помню ее сухонькой старушкой, вполне разумной и деятельной. Это было в начале 1991 г. На тумбочке стояла бронзовая статуэтка молодой женщины –

¹ В самом начале войны отец категорически настоял на отправке мальчика из Ленинграда в эвакуацию. Мать Андрея Ольга Георгиевна оставалась в блокадном Ленинграде, работала медсестрой в госпитале. Выехав сам в эвакуацию, Г. А. в 1942 г. нашел сына в Сибири, в детдоме, и забрал его к себе в Казань.

изумительно стройной и напряженной, как струна. Такую фигуру не могли испортить ни штормовка, ни высокие сапоги, которые угадывались в бронзе... Мне сказали: «Это Надежда Викторовна...»

Мне очень хотелось узнать хоть что-то из ее прошлого, связанного с Г. А. Как случилось, что тогда, в конце 1930-х гг., они все-таки нашли друг друга? Ведь учеба на геофаке – это было так давно. А приезды его в Ленинград по необходимости бывали очень короткими... Мне казалось, мое любопытство удивляет ее и смешит. «Он сам нашел меня... – сказала она мимоходом, – это была его инициатива...» И все! Никаких подробностей!».

Так или иначе, ее труд уникален. «Железная женщина» не ограничилась составлением биографических очерков, которым, конечно, предстояло устареть достаточно быстро. Она сопровождала их целыми томами «Приложений», куда вошли перепечатки газетных публикаций, связанных с работами Г. А., копии писем, справок, заявлений, многочисленные фотографии и т. д. В наши дни, когда подлинники этих документов, по большей части, оказались недоступными для исследователей, значение таких подборок трудно переоценить.

Вторая, не менее важная часть семейного собрания – это материалы личного архива разведенной жены Г. А. Бонч-Осмоловского – Ольги Георгиевны (урожд. Морозовой), матери Андрея.¹ Сохранилась обширная переписка Г. А. с ней и с другими людьми. Наиболее ранние письма датируются 1918 годом. Среди них присутствуют и не менее 36-ти его писем из Воркутинских лагерей (1934–1936 гг.) к жене и пасынку Георгию (с их ответами). Самостоятельный интерес представляют собой ее воспоминания, из которых пока опубликована лишь часть, посвященная дореволюционному периоду (Морозова, 1964; 1976). Редкостным документом эпохи являются личные дневники Ольги Георгиевны, которые она вела всю жизнь и в которых фигура Г. А. отразилась тысячекратно.²

Все эти материалы, взятые вкуче, вполне могут стать основой научной биографии ученого. В контексте других источников, а именно – проработанных мною ранее документов Архива ФСБ, связанных с Г. А., а также – материалов фондов ГАИМК и ИИМК АН СССР в архиве ИИМК РАН, источниковая база обобщающего научно-биографического исследования может считаться вполне удовлетворительной.

3. Три документа из семейного архива Г. А. Бонч-Осмоловского: публикация и комментарий

После общего обзора ситуации мне хотелось бы вновь обратиться к конкретике и рассмотреть ряд свидетельств о жизни и деятельности Г.А., которые до сих пор

¹ *Бонч-Осмоловская Ольга Георгиевна (1895–1975)* – жена Г.А. Бонч-Осмоловского (1921–1938). Художник и педагог. В 1920-х гг. сотрудничала с Детгизом. На рубеже 1920–1930-х гг. работала в области монументальной живописи. Исполняла росписи музейных залов (экспозиции этнографического отдела Русского музея, Музея революции, Четвертичной выставки АН СССР и пр.). С 1934 г. начала преподавать в художественных студиях и школах Ленинграда. Талантливый писатель-мемуарист.

² Выборочную публикацию дневников см.: (Бонч-Осмоловская, 2010).

явно недостаточно попадали в поле зрения историков. На эти документы неоднократно делались ссылки, но они никогда не анализировались в целом. Фактически имело место «выдергивание» отдельных фактов вместо комплексного анализа источника по содержанию.

Первый из трех публикуемых документов представляет собой небольшой очерк, озаглавленный «Несколько слов о Г. А. Бонч-Осмоловском». Его автор – Александр Фёдорович Бонч-Осмоловский (см. коммент. 1) – приходился Г. А. двоюродным дядей, хотя по возрасту был немногим старше своего племянника¹. Свои воспоминания он написал в старости, живя во Владимирской области после 10-летней отсидки в лагерях. Поэтому о многом в них говорится осторожно; не обошлось и без ряда привычных идеологических штампов того периода. И все же эти воспоминания представляют огромный интерес. Мемуары Александра Фёдоровича о его гимназической юности, об отце, матери и братьях недавно увидели свет в упомянутом выше сборнике (Бонч-Осмоловская (ред.-сост.), 2015: 469–572). Очерк о Г. А. так и остался неопубликованным; в семейном архиве представлены его рукописный автограф (с правкой) и машинописная копия. В настоящей статье текст приводится полностью, без сокращений (исключены лишь фрагменты, вычеркнутые самим автором).

Второй публикуемый документ – очерк «Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский», написанный Николаем Павловичем Анциферовым (см. коммент. 10). В семейном архиве представлен рукописный автограф автора с правкой и машинописная копия, сделанная, возможно, Н.В. Тагеевой. Другая авторская копия очерка находится в личном фонде Н. П. Анциферова в ОР РНБ (ф. 27, ед. хр. 21). Его содержание кратко пересказано в именном указателе к изданным посмертно воспоминаниям Н. П. Анциферова, в разделе «*Бонч-Осмоловский Глеб Анатольевич*» (Добкин, 1992, с. 464). Но полной публикации очерка до сих пор не появлялось. Поэтому я привожу его здесь, в едином комплексе предыдущим.

Как можно предположить, оба очерка были написаны в конце 40-х – начале 50-х гг. XX в. по просьбе старшего брата Г. А. – Ивана Анатольевича, много занимавшегося историей семьи. Вероятно, он передал их Н. В. Тагеевой, когда узнал о ее работе над биографией Глеба.

Третий публикуемый документ – письмо, написанное самим Г. А. зимой 1914/1915 г. и адресованное тому же Н. П. Анциферову – ближайшему другу всей его жизни. Данный текст уникален, ибо вся довоенная переписка Анциферова, по его собственным словам, погибла в 1942 г. (см. ниже). Но это письмо каким-то образом уцелело и было передано Бонч-Осмоловским. Оно тем более интересно, что других документов, отражающих мировоззрение и внутренние искания Г. А. в период до 1917 г., практически не сохранилось. В семейном архиве хранится автограф письма, а также его фотокопия и машинописная копия, сделанные мною в 1990 г.

¹ Отцом его был Фёдор Александрович Бонч-Осмоловский (1836–1900) – двоюродный дед Г. А., профессиональный военный, начавший службу вольноопределяющимся во время «турецкой кампании» на Дунае 1854 г. (унтер-офицер, затем юнкер Полоцкого пехотного полка). Настоящее боевое крещение он получил в Севастополе в 1855 г. За бой на Черной речке был награжден солдатской бронзовой медалью и произведен в офицеры. Под конец жизни дослужился до генерал-майора.

Г. А. Бонч-Осмоловский на фронте. 1915–1916.

По содержанию все три текста прекрасно дополняют один другой. Поэтому сопровождающий их комментарий имеет единую сквозную нумерацию. При публикации документов в них была внесена минимальная редакторская правка (расстановка пунктуации и перевод из дореволюционной системы орфографии в современную; отдельные орфографические исправления оговорены в примечаниях).

3.1. А. Ф. Бонч-Осмоловский¹ Несколько слов о Г. А. Бонч-Осмоловском

Глеб Анатолиевич Бонч-Осмоловский происходил из старинной белорусской фамилии, в течение нескольких столетий проживавшей на границе между Могилевщиной и Смоленщиной, губерниями в полосе многовековой борьбы между Москвой и Польшей за право обладания коренными русскими землями, завоеванными Литвой. Фамилия эта всегда была православной и считала себя русской, несмотря на то, что находилась под властью Литвы и Польши².

Отец и мать Г. А. оба принадлежали к слою передовой революционной интеллигенции, и, хотя обладали земельной собственностью, но были активными борцами за Землю и волю для всего народа и подвергались репрессиям со стороны царского правительства³. После Октябрьской революции родители Г. А. оба

получили за революционные заслуги персональные пенсии, отец был членом Общества Политкаторжан и Ссылнопоселенцев.

Благотворные семейные влияния наложили с самого раннего детства определенные отпечатки на душевный склад Г. А. Семья была трудовая и всегда близкая к крестьянству, деревенские ребята были равными участниками детских игр Г. А. Глубочайший психологический, а не надуманный и теоретический демократизм стал характерной чертой его нравственного облика. С этим соединялась и само собой развивающаяся ненависть к самодержавию, душителью прогресса и неприкрытому представителю помещичьих и капиталистических интересов, к самодержавию, которое репрессировало родителей и братьев юного в то время Глеба Анатолиевича.

С начала первой империалистической войны Г. А. поддался общему течению, охватившему русское общество, и почел себя обязанным, не ожидая мобилизации, стать активным защитником Родины против немецкой агрессии. Он пошел добровольцем в армию⁴. Служил шофером в танковых войсках⁵, ходил в опасные разведки и, простудившись, заболел туберкулезом. Он с восторгом принял февральскую революцию. Вследствие большой отчужденности офицерства царской армии от солдат, с началом революции солдатская масса осталась почти без руководства. Офицеры попрятались, были в своем большинстве политически неграмотны, рабочая и культурная прослойка среди солдат была незначительна. Солдатская масса, предоставленная сама себе и не разбиравшаяся в сложном политическом положении, нуждалась в руководстве, требовалось организовать ее и придать неосознанному революционному порыву какие-то организационные формы. Стал, прежде всего, вопрос о форме власти, монархические иллюзии еще находили себе сторонников среди отсталых деревенских парней, одетых в солдатские шинели.

Г. А. решил, что нужно побороть этот традиционный монархизм и внедрить в сознание солдат необходимость радикальных политических перемен.

Со всем пылом молодости и со всей своей кипучей энергией приступил он к организации «Союза солдат-республиканцев»⁶. По делам этой организации он приезжал ко мне в Ораниенбаум в апреле 1917 г., в Первый пулеметный полк, сыгравший решающую роль в февральской революции. Союз солдат-республиканцев на первых порах в марте–апреле 1917 г. собрал многих сторонников, но в ходе революционной борьбы это эфемерное соединение было сметено могучей волной движения «За власть Советов», движения, имевшего под собой и ясные классовые корни, и гениальное руководство. Ныне о «Союзе солдат-республиканцев» приходится вспоминать только в связи с биографией Г.А. и, может быть, кое-кого из его друзей того периода.

С победой Октябрьской революции Г. А. стал в ряды активных деятелей нового режима. Борьба с туберкулезом привела его в Крым. Здесь он принял горячее участие в охране художественных и исторических ценностей этого уголка страны. Он стал руководителем «Крымохрист»а, организации по охране в Крыму памятников искусства. С захватом Крыма белыми ему пришлось, как активному советскому работнику, скрываться, чтобы избежать репрессий, которым он был бы, несомненно, подвергнут⁷.

Г. А. Бонч-Осмоловский в кратковременном отпуску с фронта. Март–апрель 1916.

Мне пришлось встретиться с Г. А. в Москве в 1924 году по должности ученого секретаря Главнауки Наркомпроса РСФСР. Он явился в это учреждение, чтобы хлопотать об ассигнованиях на научную археологическую и этнографическую работу в Крыму. Он поражал меня своей энергией, настойчивостью и завидным умением подходить к людям и добиваться успеха у людей даже весьма далеких от его интересов. Только этим можно объяснить то, что молодой ученый с первых же годов советской власти (когда Академия Наук была в стороне от основного течения) сумел привлечь внимание на свою, такую далекую от текущих злоб дня, область своих научных интересов. В этом сказались быть может его исконный демократизм, умение располагать к себе людей и находить правильный путь в сложной обстановке, создаваемой жизнью.

Покойный президент Академии Наук В. Л. Комаров очень ценил научные заслуги Г. А. и много сделал для того, чтобы создать необходимые условия для его труда и продвинуть его работы в печать. Прочитав в отдаленной глуши работу Г. А. о кисти открытого им в Крыму неандертальца, я написал на последней странице этого труда:

«Как жаль, что безжалостная смерть помешала автору довести до конца свой труд, который, в результате тщательного анализа фактов, кажущихся на первый взгляд мелкими и незначительными, приводят к выводам столь важным и замечательным»⁸.

Комментарий:

1. *Бонч-Осмоловский Александр Фёдорович (1882–1951)* – юрист и востоковед. Родился в г. Симбирске (совр. Ульяновск), в семье полковника Ф. А. Бонч-Осмоловского. Окончил гимназию в г. Верном (совр. Алма-Ата, Казахстан) и юридический факультет Санкт-Петербургского университета. До революции жил и работал в Симбирске. В 1920-х гг. – сотрудник Главнауки Наркомпроса (Москва). Область научных интересов – Дальний Восток, Япония. В 1937 г. репрессирован, 10 лет провел в лагерях. По освобождении жил в д. Пенкино Владимирской обл.

2. Этим объясняется экономический упадок рода Бонч-Осмоловских в XVIII в. «В Литовско-Польском государстве лица греческой православной веры считались схизматиками, не имели права занимать должности на государственной службе и участвовать в сеймовых собраниях...» (Бонч-Осмоловский, 2015, с. 6). Таким образом, православные дворянские семьи, не желавшие переменить веру по конъюнктурным соображениям, обрекались на прозябание и постепенное обнищание. Лишь

после раздела Польши и присоединения западнорусских губерний к Российской империи все грамотные дворяне, независимо от вероисповедания, получили право поступать на государственную службу. Однако нехватка средств на образование, обычная в таких старинных, но обедневших православных семьях, приводила к тому, что дворянские отпрыски начинали карьеру с самых нижних ступеней, порою с «нижних чинов». Лишь природные способности, самообразование и упорство позволяли им в ряде случаев достичь определенных высот. Именно так сложилась судьба родного деда Г. А. Иосифа (Осипа) Александровича и его брата Фёдора. Начав с самых низов, оба они дослужились до генеральского чина.

3. *Анатолий Осипович Бонч-Осмоловский (1857–1930)* – революционер-народник, член организаций «Земля и Воля» и «Черный передел». Впоследствии – эсер. Его жена *Варвара Ивановна (урожд. Ваховская) (1855–1929)* до конца жизни не изменила народническим убеждениям своей юности. Их дети (кроме Глеба Анатольевича) до октября 1917 г. активно участвовали в революционном движении, состояли в партиях эсеров (различных толков) и социал-демократов (меньшевиков). После большевистского переворота все они полностью отошли от политики. Подробнее о революционной деятельности Бонч-Осмоловских см.: (Клейн, 1986; Бонч-Осмоловская /ред.-сост./, 2015, с. 239–464).

4. О добровольном уходе Г. А. Бонч-Осмоловского на фронт Первой Мировой войны значительно полнее говорится в воспоминаниях Н. П. Анциферова (см. ниже).

5. В моторизованных войсках.

6. Об организации «Союз солдат-республиканцев» см. прим. 18 и раздел 4.1.

7. Здесь налицо некоторая путаница. Г.А. Бонч-Осмоловский стал советским работником и руководителем Крымохриса уже после окончательной победы красных, в конце 1920 г. Поэтому он никак не мог быть репрессирован за это белыми. Однако его участие в красном подполье при Врангеле – бесспорный факт.

8. Данный пассаж в оригинале вписан по-французски и затем переведен на русский язык самим автором.

3.2. [Н. П. Анциферов]⁹ Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский¹⁰

При Эрмитаже в 1910 году был создан кружок, поставивший себе целью подготовку руководителей экскурсий с рабочими. Нельзя до революции откладывать усиление культурно-просветительной работы среди широких масс. Революция нуждается в повышении культуры пролетариата. Кружок состоял из студентов университета и курсисток Бестужевских курсов. Увлекательная работа по изучению собраний Эрмитажа, вдохновляемая высокой целью, вскоре сплотила группу молодежи. Из-за опасения нарушить быстро и хорошо определившийся характер кружка его члены замкнули свои ряды, и прием новичков стал затруднителен. Один из членов «Эрмитажного кружка», Левко Чикаленко¹¹, много позднее предложил принять нового сочлена – Глеба Анатольевича Бонч-Осмоловского. «Я за него ручаюсь, он очень хорош со своей ясной и открытой улыбкой. К тому же он сын народовольцев. И отец, и мать его – участники процесса 193-х¹²». Рекомендация казалась солидной. Бонч был принят. Мы сразу узнали его в вестибюле Эрмитажа по ясной и открытой улыбке умного лица.

Бонч не походил на обычного студента тех лет. В нем не было ничего размашистого. Он не носил длинных волос. Брил усы и бороду. Одевался скромно. Костюм его не выделялся ни небрежностью, ни франтовством. Бонч не был, как большинство нашего кружка, историком. Он был студентом естественно-исторического факультета¹³ и занимался этнографией. Впрочем, выбор специального вопроса казался нам, его товарищам по кружку, весьма

своеобразным – он занимался кавказским племенем Хевсуров, которое сохраняло свой рыцарский быт средневековья и считалось племенем, образовавшимся из потомков крестоносцев, осевших при отступлении из Азии в Кавказских горах.

Бонч долее других не срослся с нашим кружком. В нем был скепсис, «охлажденный ум». Он не разделял нашей веры в близость революции. Смущала нас и вольность его суждений о женщинах, не нравилось и то, что он единственный из нас курил. «Наш Бонч слегка подпорчен, как сыр рокфор». Левко начинал каяться, что ввел его в нашу среду: «Что я наделал! Он чужой! Теперь „отцы и дети“ наоборот. Дети пламенных отцов – усталые, маловерные. Выросшие в революционной среде они с детства к ней привыкли, она лишена в их глазах возвышающей романтики». Так рассуждал Левко. Однако наши опасения не оправдались. Вскоре мы оценили Бонча и полюбили его¹⁴. Мы ощутили в нем большую скрытую энергию, мы убедились, что он талантлив, умен, что его научные интересы и своеобразны, и глубоки. Он стал желанным нам и деятельным членом Эрмитажного кружка, работа которого началась неожиданно не с рабочими, а с учителями, съехавшимися на всероссийский съезд в декабре 1913 года.

В 1914 году вспыхнула I-ая германская война. В Эрмитажном кружке начался разброд. Позицию пораженческую занял один Левко. Отец Т[атьяны] С[ергеевны]. Стахевич¹⁵, одного из самых ярких сочленов кружка – С[ергей] Г[ригорьевич] Стахевич (близкий Н.Г. Чернышевскому, автор воспоминаний о нем) считал желанным исходом войны поражение России и Германии. «Как же это возможно! Ведь эти страны в смертельной схватке. Не может же один из членов Антанты быть разбитым в то время, как другие сделаются победителями». «Поживем, увидим», – отвечал мудрый старик. Отец имел влияние на нашу Татьяну Сергеевну. После одного горячего спора она сказала про Чикаленко (после его ухода): «У вас интеллигентские разглагольствования, а у него кровь кипит». Эти слова запомнил Глеб, который был в те годы очень увлечен Т. С. Стахевич. Из нашего кружка только один пошел добровольцем на войну – А[ндрей] В[ячеславович] Тищенко, очень талантливый начинающий ученый, оставленный при университете¹⁶. Он был убит в первых же боях в Восточной Пруссии.

Мы ждали своего часа, но не торопили его. Бонч стал по-новому задумчив. Неудачи русских войск все сильнее и сильнее действовали на его сознание. Одним вечером он пришел ко мне со странною улыбкой, словно смущенный: «Коля, я иду на фронт. Я не могу больше ждать призыва. И я пойду на передовые позиции. Воевать, так воевать. Я буду разведчиком». Я понял эту его милую, смущенную улыбку. Бонч не хотел предстать передо мной героем. Я попрощался с ним, мало веря в возможность новой встречи. Он писал мне часто и подробно. Я берег эти письма, в которых было столько мужества, простоты, силы и скромности. Все эти письма погибли со всем моим архивом в пожаре, уничтожившем Детское Село в дни блокады Ленинграда.

Весной 1917 года Бонч вернулся с фронта в Ленинград¹⁷. Он заболел туберкулезом, но не хотел лечиться: «Не время!»

Глеб занялся организацией культурно-просветительной работы, насколько она была возможна в те лихорадочные месяцы¹⁸. Но болезнь взяла свое: Глеб свалился и

был помещен в Обуховскую больницу. Я навестил его и был потрясен, как быстро изменилось лицо больного. В бессильном гневе на свою болезнь Бонч был очень хорош. Он порывался вернуться к начатому им делу, столь увлекавшему его, но сил уже не было. Нужно набраться новых сил, и Глеб согласился уехать на уютный берег Крыма. Пожимая ему на прощанье руку, я опять думал: «Увижу ли еще?»

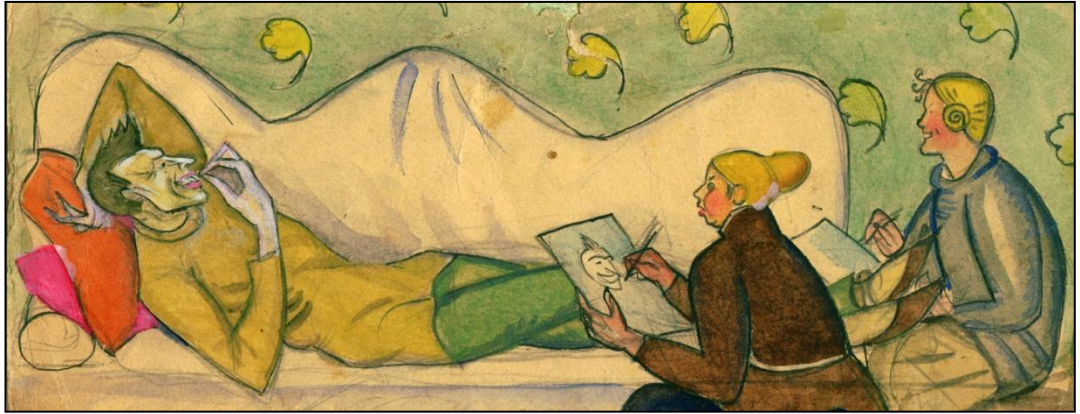
Прошло несколько решающих лет. Не помню, в каком году Бонч вернулся в Ленинград¹⁹. В Крыму он произвел переоценку своих верований. Горячий патриот, любивший Россию «нутром и чревом», Бонч резко повернул в сторону большевиков. В них он теперь чтит подлинных патриотов, единственную силу, способную восстановить мощь России²⁰. В Крыму он работал в подполье. Движение белых он осознал как враждебное русскому народу. Как грустно мне сознаться, что я не запомнил его интереснейших рассказов о том времени!

Теперь начался новый период жизни нашего Глеба. Он со свойственным ему энтузиазмом, который всегда сопровождал его деятельность, обратился к науке. Романтическое увлечение «рыцарственными» хевсурами уже давно прошло бесследно. Бонч занялся палеолитом. Его пребывание в Крыму, где с особой силой ощущается глубь веков, сложность и обилие культурных отношений, направило интерес Бонча к прошлому Тавриды. Как геологи, изучая напластования различных горных пород, доходят до архейской эры, так мысль Бонча остановилась на самом древнем, начальном периоде человеческой культуры – палеолите.

Из рассказов Глеба о своих работах, приведших его к открытиям большого научного значения, я заключил, что в нем счастливо сочетался историк с естественником и даже с математиком. Ум Бонча при всей горячности темперамента был трезвый, даже холодный. Обычно холодность и трезвость сочетаются с осторожностью. Но Бонч сумел их сочетать с большой смелостью, научным дерзанием. Я помню Глеба на конференции археологов в Херсонесе (в дни грозного землетрясения)²¹. Его доклад (на который я опоздал приехать из Гаспри) вызвал бурю со стороны консерваторов в науке. Бонч защищался стойко, с полным сознанием своей правоты. И он победил своих противников и заслужил всеобщее признание.

То, что мне приходилось слышать о нем даже от близких ему людей, не совпадает с моим восприятием старого друга. Мне говорили о его властности, граничащей с суровостью. Если в многогранной натуре Глеба и была эта черта – она обуславливалась его беззаветной преданностью своему делу. В общении со мной была другая грань – сердечной внимательности. Я никогда не забуду того выражения нежности на лице Глеба, которое я заметил у него, когда он играл с моей старшей дочерью. Это были дни его временного возвращения с фронта на побывку в Петроград.

Трезвый ум Глеба иногда подрывал его иллюзии, и в нем пробуждался былой скептицизм. Я знал эти периоды его грустного раздумья. Но деятельная натура и его увлечения помогали Бончу преодолевать приступы скептицизма. Я любил беседу с ним. Он умел рассказать, умел и выслушать. Его суждения меня всегда интересовали. Столько в них было ума! Часто мы расходились, спорили. Но я всегда уважал мнения Глеба: они вытекали из его сущности, которую я любил.

Бонч ведет дискуссию...
 Карикатура Елены Георгиевны Морозовой. 1918 – нач. 1919 г.

Помню нашу последнюю встречу. Это были годы войны в Европе, еще не перенесенной на родные поля. После вялых боев на Западном фронте наступил *furor teutonicus*. Франция была накануне поражения. Глеб верил уже тогда, что в ней пробудятся силы сопротивления. Он умер уже в те месяцы, когда силы гитлеровских полчищ были надломлены на полях его родной земли. Но ему не удалось дожить до торжества победы, не довелось ему довести до конца свои труды над таврическим палеолитом.

Комментарий:

9. *Анциферов Николай Павлович (1889–1958)* – историк, педагог, культуролог, стоявший у истоков отечественной урбанистики. Окончил Петроградский университет (1915), был оставлен при кафедре всеобщей истории. Член Эрмитажного кружка, ближайший друг Г. А. Бонч-Осмоловского, с которым они общались и вели переписку на протяжении всей жизни. В 1920-х гг. Н. П. Анциферов сыграл большую роль в развитии краеведческого движения в стране. С 1921 г. работал в Экскурсионном институте (гуманитарный отдел). Вел семинарии по градоведению, готовил руководителей экскурсий по Петрограду и пригородам. Уволен оттуда в связи с первым арестом и высылкой, оказавшейся кратковременной (1924). В дальнейшем – научный сотрудник Центрального бюро краеведения при АН СССР (Ленинград). Параллельно читал лекции в Институте истории искусств и 2-м Педагогическом институте. В 1929 г. вновь арестован по делу религиозно-философского кружка А. А. Мейера; отправлен на Соловки. В 1930 г. получил дополнительный срок по «Делу Академии наук». Отбывал его на строительстве Беломоро-Балтийского канала (1930–1933). После освобождения жил в Москве, заведовал Водным отд. Музея коммунального хоз-ва (совр. Музей истории и реконструкции Москвы). С 1936 г. работал в Гос. литературном музее. Весной 1937 г. вновь арестован, отправлен в Уссурийский лагерь. В 1939 г. освобожден и восстановлен в Лит. музее, где проработал до 1956 г. Автор воспоминаний «Из дум о былом», опубликованных посмертно с рядом пропусков. Научные работы Н. П. Анциферова, в основном, посвящены проблемам градоведения и экскурсионного дела, в котором он выступил как один из ведущих теоретиков.

10. В рукописном оригинале имя автора отсутствует. В верхней части первой страницы имеется надпись карандашом, рукой Н. В. Тагеевой: «Это написал Н. П. Анциферов в Москве за несколько лет до своей смерти. В 1950–1955 гг.».

11. *Чикаленко Лев Евгеньевич (1888–1965)* – археолог, этнограф, политический и общественный деятель. Друг юности Г. А. Бонч-Осмоловского и Н. П. Анциферова. Окончил Петроградский университет по естественному отделению физико-математического факультета (1915). Один из любимых учеников Ф. К. Волкова; по поручению Волкова в 1910-х гг. вел раскопки Мезинской

палеолитической стоянки близ Чернигова. Украинский националист. В 1917–1920 гг. – член Украинской РСДРП, секретарь Центральной Рады и Малой Рады. В 1920 г. эмигрировал. Жил в Польше, Чехословакии, Франции, Германии. С 1948 г. – в США, преподавал в Украинском университете в Нью-Йорке. Автор ряда работ по первобытному искусству.

12. Неточность: родители Г. А. Бонч-Осмоловского были народниками, а не народовольцами. Участницей «процесса 193-х» являлась только В.И. Ваховская, еще до замужества. Террористических методов борьбы супруги не признавали никогда.

13. Неточность, надо: *естественного отделения физико-математического факультета.*

14. Об этом несколько иначе рассказывается в опубликованной главе воспоминаний Н. П. Анциферова «Содружество Эрмитажного кружка»: «Вскоре Левко (так я стал называть Чикаленко, не переходя с ним однако на «ты») раскаялся в приглашении им Бонча: «Он другого покроя, чем мы. [...] Бонч отошел от традиций семьи, он утратил веру родителей, он скептик, даже циник. Если бы вы слышали, как он говорил с нашими девушками. О Кавальери [оперная певица. – Н. П.] он сказал: «Она все еще красива, но кожа у нее уже дряблая...». Меня рассказ Левко обеспокоил. Надо поговорить с Бончем. Чикаленко взял на себя эту миссию. «Или – или». Он мне рассказал после объяснения, что Бонч смутился; свое неладное поведение объяснил тем, что не сразу понял стиль нашего кружка. С этого дня всякие трения с ним прекратились...» (Анциферов, 1992: 208).

15. *Стахевич Татьяна Сергеевна (1890–1942)* – историк-антиковед, ученица М. И. Ростовцева. Окончила Высшие женские Бестужевские курсы (1914) по историко-филологическому факультету. Была оставлена при курсах. Член Эрмитажного кружка. В 1916 г. вышла замуж за Л. Е. Чикаленко и уехала с ним на Украину. После эмиграции мужа вернулась с детьми в Петроград. Поддерживала дружеские связи с Г. А. Бонч-Осмоловским и его семьей. Работала в Музее Революции, позднее преподавала латынь в 1 Медицинском институте. Умерла в блокаду. В воспоминаниях Н. П. Анциферова о ней, в частности, говорится: «...блестяще одаренная, столь много обещавшая ученица Ростовцева, побледневшая, постаревшая, должна была искать случайные заработки, вплоть до частных уроков. Ее научная специальность – древний Рим – ей не пригодилась. [...] Она сохранила свою гордую замкнутость. О Левко Татьяна Сергеевна никогда не говорила. Она посвятила себя своим детям, которых вела по жизни неслабеющей рукой...» (Анциферов, 1992, с. 211).

16. *Тищенко Андрей Вячеславович (1890–1914)* – археолог и историк, ученик А. А. Спицына, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского. Окончил Санкт-Петербургский университет (1913); оставлен при кафедре русской истории для подготовки к профессорскому званию. Член Эрмитажного кружка. В армию был призван по первой мобилизации 1914 г. Теоретически имел возможность получить освобождение от службы, но отказался хлопотать об этом. Погиб в бою под Августовым. По словам Н. П. Анциферова, А. В. Тищенко «...был звездой нашего семинария. Им гордились. Его любили. Тищенко совмещал в себе какую-то собранность, сосредоточенность, с русской удалью. [...] Его хоронил весь университет на Смоленском кладбище...» (Анциферов, 1992: 206).

17. Описка, надо: *Петроград.*

18. В отличие от А. Ф. Бонч-Осмоловского, Н. П. Анциферов вовсе не упоминает «Союза солдат-республиканцев», ограничиваясь общими словами о «культурно-просветительной работе». Однако причина не в забывчивости, а в том, что он сам являлся активным деятелем этой организации. Ворошить память об этом в сталинскую эпоху было небезопасно (см. ниже). В работе Союза принимали участие и другие члены Эрмитажного кружка (Ф. А. Фиельструп, А. А. Гизетти, А. П. Смирнов, сам Г. А. Бонч-Осмоловский). Однако в 1950-х гг. Н. П. Анциферов оставался среди них единственным живым. Это помогает понять намек А. Ф. Бонч-Осмоловского: «Ныне о «Союзе солдат-республиканцев» приходится вспоминать только в связи с биографией Г. А. и, может быть, кое-кого из его друзей того периода [курсив мой. Н.П.]».

19. Г. А. Бонч-Осмоловский вернулся в Петроград осенью 1922 г.

20. Подробнее об этом см. раздел 4.2.

21. Имеется в виду Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе, состоявшаяся 10–13 сентября 1927 года.

3.3. Г. А. Бонч-Осмоловский – Н. П. Анциферову (январь 1915 г.)²²

Дорогой Николай Павлович,

Перед праздниками на меня навалилось так много дела, что не имел ни минутки времени собраться с мыслями и написать Вам. Теперь уж три дня свободен, много ездил на санях, а никогда так хорошо и спокойно не думается, как при поездках зимою по лесу.

Разумеется, меня обрадовало Ваше несогласие с эрмитажниками во время разговора на Ваших именинах; но не сердитесь за эту радость – она понятна, и к тому же это не злорадствие. Ведь Ваши разногласия, должно быть, не выходили из пределов требования аскетизма, с одной стороны, и предпочтения его в связи с теоретической терпимостью – с другой. Так что я, по всей вероятности, нашел бы по существу вопроса еще меньше поддержки, чем Вы в вопросе о терпимости. Рад же был практическому выводу, сделанному, не знаю верно ли, из письма: Вы теоретически нетерпимы, но часто делаете исключения в отношении людей, более или менее известных Вам (а может быть и всегда?). Конечно, эту маленькую непоследовательность я только приветствую. Ведь прямолинейность есть уость и т. д. Но от других этого трудно ожидать, в особенности от Т[атьяны] С[ергеевны]²³. Мне кажется, что, приди она к выводу о необходимости «требования», для нее не могло бы быть никаких исключений, разве только по отношению к любимому человеку. В этом случае женская душа становится особенно понимающей, чуткой и прощающей, и хотя с большой болью, но все же должно быть она примирилась бы. Помните и Вы говорили «проплакала бы шесть ночей»...

Не то с друзьями – к ним менее строги, но и менее терпимы, и второе, конечно, играет большую роль. Тем же приблизительно я наделяю по Вашим рассказам и А[лексея] В[икторовича]²⁴. Таким образом, их терпимость меня очень утешает, я ведь не претендую и не желаю приобщения к своей «вере» других; самое большое, к чему стремлюсь²⁵ – это признание (правда, и полное оправдание, первой ступенью к чему служит терпимость).

Теперь очень хочется сказать Вам несколько слов о деревне.

Недавно пришло известие, что убит сын одного из рабочих. Через час он пришел ко мне спросить, выдают ли ему пособие. Лицо было серьезное, сосредоточенное и печальное, но уже была видна полная примиренность. Станным казался такой скорый и большой интерес к пособию и то огорчение, с которым он встретил мое сомнение в его выдаче. С первого взгляда должна была удивить его черствость и эгоизм. Но как понятно это здесь! Ведь деревня стыдится жизни индивидуальным чувством. Любовь, ненависть, красота – это баловства, которые²⁶ всегда должны²⁷ уступать место борьбе за существование, стремлению к куску хлеба, к достатку. Даже жалость и честность стоят не на одном с ним уровне.

По крайней мере, наиболее уважаемые крестьяне и наиболее понимаемые народом помещики – это живущие ради хозяйства и дела. Других лишь любят больше. Это приспособление – то условие, при котором возможна крестьянская жизнь. И если она в общем не выходит за пределы моральности, если корыстные преступления не находят себе оправдания и если крестьянство все же живет общественной жизнью, т. е. чувствует свою связь с миром, то причины этому

*Г. А. Бонч-Осмоловский с женой
Ольгой Георгиевной и пасынком Георгием.
Ленинград, 1925.*

приходится искать в незаметных и неуловимых, а, главное, очень мало сознаваемых самим народом побуждения общественных инстинктов²⁸.

То же и в отношении войны: трудно найти следы ее в жизни деревни, кроме простого любопытства да «жалоб»⁺, носимых родственниками и невестами солдат. И если Вы спросите крестьянина, почему он желает победы России, он замнется и не сможет ответить и даже, если начнете убеждать его, не все ли равно, «под ком» жить – русскими или немцами, то, пожалуй, согласится.

Но если необходимость заставит перейти от рассуждений к делу, то они в массе всегда просто и определенно, без всяких колебаний пойдут по верному пути. Именно в массе, так как общественный инстинкт здесь еще не осознан, не разошелся по индивидуальностям, и каждый отдельный человек не представляет, зачем он должен ему следовать.

Собирались ко мне приехать Т[атьяна] С[ергеевна] и М[ария] Мих[айловна]³⁰, да что-то не едут – должно быть раздумали. Боюсь, что сам в этом виноват, благодаря своей нетактичности. Перечисляя в письме к Вам особо приглашаемых ко мне, я, кажется, не упомянул М[арию] М[ихайловну]. Сделал это только потому, что почему-то не представлял возможности ее приезда. Сейчас же постарался исправить свою ошибку, но, пожалуй, уже поздно.

Буду очень рад Вашим письмам
Всего хорошего
Ваш Бонч

⁺ «Носить жалобу» значит горевать о ком либо, быть в трауре – нельзя танцевать, петь, веселиться. Отличается от траура тем, что «жалобу носят» и по живым. Это не обряд, а выражение, определяющее горе.

Комментарий:

22. Письмо без даты; по содержанию может быть датировано очень точно. Оно написано Г. А. Бонч-Осмоловским зимой, во время Рождественских каникул, в момент, когда Первая Мировая война уже началась, но об уходе его на фронт добровольцем (1915) речи еще не шло. Таким образом,

письмо могло быть написано только в январе 1915 г. Место написания по косвенным признакам также определяется точно – это его родительское имение Блонь под Минском.

23. Т. С. Стахевич.

24. *Шмидт Алексей Викторович (1890–1935)* – историк, археолог, финноугровед. Окончил Петроградский университет (1916), ученик Б. А. Тураева, М. И. Ростовцева, И. М. Гревса. Член Эрмитажного кружка, где его называли «мальчик-Шмидт все знает» (Анциферов, 1992, с. 207). В 1917–1924 гг. работал в Перми (преподаватель Пермского университета, хранитель музея древностей, заведующий Пермским археологическим отделом). С 1924 г. – в Ленинграде. Сотрудник Коллегии востоковедов, заведующий отделом Африки в Музее антропологии и этнографии АН СССР (МАЭ). Уволен во время «чистки» АН СССР в 1929 г. Тогда же был принят в ГАИМК научным сотрудником. Скончался в Ленинграде. Труды А. В. Шмидта посвящены этногенезу финно-угорских народов и их связи с государствами Древнего Востока, а также происхождению и развитию древнего искусства и религии народов Урала. Он разработал классификацию и хронологию пермского звериного стиля в искусстве, выделил большую серию новых культур от бронзового века до средневековья, разработал передовую для своего времени методику их классификации и периодизации. Большой вклад А. В. Шмидта в науку и в первую очередь в уральскую археологию, стал очевиден специалистам лишь много лет спустя. При жизни его недоценивали как враги, так и друзья. Этим объясняется характеристика, данная ему Н. П. Анциферовым: «...Алексей Викторович, как и все «вундеркинды», больше обещал, чем смог дать...» (Там же).

25. В оригинале: «*стремюсь*»

26. В оригинале зачеркнуто: «*которую можно позволить себе сверх*»

27. В оригинале: «*должна*»

28. Это замечание и последующее рассуждение указывают на то, что мировоззрение молодого Г. А. Бонч-Осмоловского выстраивалось под влиянием философских идей П.А. Кропоткина, который писал: «Всякий, кто возьмет на себя труд серьёзно заняться вопросом о зачатках нравственного в природе, увидит, что жизнь общества привела их к необходимости развития известных инстинктов, т. е. наследуемых привычек нравственного характера...» (Кропоткин, 1995: 39). Здесь же, по-видимому, коренится почти религиозная вера Г. А. в справедливость *конечного народного выбора*, которая впоследствии определила его гражданскую позицию по отношению к советской власти.

29. *Левис Мария Михайловна (1890–1991)* – историк, библиограф, мемуарист. Окончила Высшие женские Бестужевские курсы (1913) по историко-филологическому факультету. Член Эрмитажного кружка, друг Г. А. Бонч-Осмоловского. В годы гражданской войны поддерживала с ним переписку. В 1920-х гг. работала в Музее Революции в Ленинграде. В 1930 г. была арестована и выслана на 3 года в Енисейск. Впоследствии вернулась в Ленинград. После войны работала в ГПБ (совр. РНБ). Автор книги воспоминаний «Мы жили в эпоху необычайную...». В 1970–1971 гг. переписывалась с Н. В. Тагеевой, посылала ей фотографии и другие материалы об Эрмитажном кружке.

4. Обсуждение

Приведенные выше документы требуют обсуждения и анализа в контексте других источников о жизни и деятельности Г. А. Бонч-Осмоловского. Выделим сразу ключевые проблемы, которые могут быть затронуты и рассмотрены заново в свете полученной информации. На первый план тут выступают:

- вопрос о политическом лице «Союза солдат-республиканцев» и о характере деятельности в нем Г. А. Бонч-Осмоловского и его друзей;

- вопрос об основах мировоззрения ученого и той «переоценке ценностей», которую он произвел в период гражданской войны.

4.1. Союз солдат-республиканцев

Воспоминания А. Ф. Бонч-Осмоловского являются главным и, по сути, единственным источником, бросающим свет на деятельность Г. А. в период с марта

до октября 1917 г. Все биографы в конечном счете получали информацию о связи Глеба с «Союзом солдат-республиканцев» (далее: ССР) именно из него – прямо или опосредованно. В личной осведомленности мемуариста трудно сомневаться: он сам находился в тот период в Петрограде, точнее, в Ораниенбауме, в расположении «1-го пулеметного полка, сыгравшего решающую роль в февральской революции». Именно к нему Г. А. приезжал в апреле 1917 г. «по делам союза», т.е. с целью пропаганды республиканских воззрений среди солдат. Не удивительно, что Александру Фёдоровичу было прекрасно известно, кто еще, кроме Глеба, принимает в этом участие. Однако имен он не называет и аккуратно обходит вопрос об установках и программе ССР. Н. П. Анциферов, как уже отмечалось выше, вообще не упомянул об этой организации, ограничившись нейтральным определением: «культурно-просветительная работа».

В семейном архиве сохранилась тоненькая брошюрка, изданная в сентябре 1917 г.: «Первый Матросский Университет Союза Солдат-Республиканцев». На обложке имеется едва заметная карандашная надпись рукой Надежды Викторовны: «Эта брошюра в бумагах Глеба». Видимо, при его жизни она ей не попадалась. Подобно Н. П. Анциферову, Г. А. не особенно распространялся об этом эпизоде своей биографии. Однако брошюрку хранил.

Автор ее П. А. Куликовский¹ – личность достаточно известная. В молодости он являлся членом боевой организации эсеров. После февраля 1917 г. мечтал о

*Портрет Глеба. Карандаш. 1930 г.
Работа Ольги Георгиевны
Бонч-Осмоловской.*

¹ Куликовский Пётр Александрович (1869–1923) – правый эсер, террорист, политкаторжанин. Родом из дворян Новгородской губ. В 1905 г. за убийство московского градоначальника П. П. Шувалова был приговорен к повешению, но затем помилован. «Бессрочная каторга» обернулась пятью годами каторжных работ в Акатуе. Далее последовала высылка на вольное поселение в Якутскую область. Пользовался большим уважением со стороны местного населения. После февральской революции – участник областного съезда якутов и русских крестьян трех округов, проходившего в марте–апреле 1917 г. Приехал в Петроград (вероятно, с поручениями и итоговыми документами съезда). Летом–осенью 1917 г. участвовал в работе Союза Солдат-Республиканцев. В 1918 г. вернулся в Якутию. С 1921 г. – участник якутского повстанческого движения. Попав в плен к красным, покончил с собой (Конкин, 2005).

развитии в России демократических свобод, возлагал все надежды на грядущий созыв Всероссийского учредительного собрания. С большевиками ему, соответственно, оказалось не по пути.

В его брошюре мы читаем: «Возникший в начале февральской революции Союз Солдат-Республиканцев с первых же дней своего существования все свои силы направил на развитие культурно-просветительной деятельности среди широких солдатских масс, подготавливая эти массы к сознательному участию в политической жизни нашей родины и в предстоящих выборах в Учредительное Собрание. С этой целью Союзом [...], при скромных материальных средствах и незначительном числе активных работников, удалось издать свыше 1.500.000 экземпляров брошюр, написанных авторами социалистического направления, распространить свыше 2.000.000 брошюр других издательств, устроить ряд лекций по социальным и политическим вопросам в некоторых воинских частях, организовать ряд концертов-лекций, посвященных творчеству русских музыкальных гениев и, наконец, создать более или менее постоянные курсы агитаторов «Солдатский Университет», а позднее, благодаря содействию почетного члена Союза В. И. Лебедева¹, назначенного Управл[яющим] Морским Министерством, и начальника походного штаба Н. И. Ратькова, открыть «Первый Матросский Университет» для матросов, делегированных почти со всех морей нашего отечества. [...]. Занятия первой очереди начались 5 августа и закончились 30-го августа 1917 г.» (Куликовский, 1917, с. 1–2).

Таким образом, «Первый Матросский Университет» реально представлял собой месячные образовательные курсы для матросов, которым предстояло стать агитаторами – поддерживать на выборах в Учредительное собрание кандидатов «социалистического направления»². В семейном архиве сохранилась страничка из журнала «Нива» (№ 38 за 1917 г.) с фотографиями торжественного открытия этих курсов в Большой физической аудитории ПГУ. В церемонии приняли участие А. Ф. Керенский, В. И. Лебедев, П. А. Кропоткин, ректор университета проф. Э. Д. Гримм и т.д.

Ценностями, к которым старались приобщить солдат и матросов деятели «Союза», были – демократическая республика, верность Временному правительству, созыв Учредительного собрания, война до победного конца. Руководство ССР состояло из людей яркой антибольшевистской направленности... Можно предположить: если бы туберкулез не прогнал Г. А. из Петрограда в Крым до октября 1917 г., он бы нажил себе там крупные неприятности. Отметим, что и книжечка П. А. Куликовского, и выпуск журнала «Нива» № 38 вышли в свет ранее конца

¹ *Лебедев Владимир Иванович (1885–1956)* – русский революционер, член военной организации эсеров. Накануне февральской революции – политический эмигрант. При Временном правительстве в мае-августе 1917 г. – один из руководителей Морского министерства. В 1918 г. – деятель КОМУЧа. В 1919 г. эмигрировал.

² Слушателей первой очереди было 235 человек. Проведенное среди матросов анкетирование показало, что половина их происходила из рабочих, четверть – из крестьян-земледельцев и еще одна четверть – из иных сословий. На этом фоне примечателен партийный состав: 180 человек из 235 позиционировали себя эсерами, 36 – социал-демократами, 17 – беспартийными. Еще был «анархист-коммунист» – 1 и «народный социалист» – тоже 1 (Куликовский, 1917, с. 12–13).

сентября 1917 г. Если предположить, что Г. А. получил их именно тогда, его отъезд на юг, скорее всего, состоялся осенью, буквально накануне Октябрьского переворота.

Стоит обратить пристальное внимание на имена тех, кто лишь вскользь упомянут на страницах брошюры П. А. Куликовского. Эти упоминания оказываются весьма интересными в контексте того, что нам уже известно о семейных и дружеских связях Г. А. Бонч-Осмоловского. Так, например, в числе «членов Совета Союза Солдат-Республиканцев» названы *Вржосек* и *Фиельструп*. В числе преподавателей, читавших матросам лекции, упомянуты *А. П. Смирнов*, *Н. П. Анциферов*, *А. А. Гизетти*. Все они (кроме С. К. Вржосека) являлись недавними членами Эрмитажного кружка, то есть – молодыми историками, много лет сознательно готовившими себя к трудам на ниве просвещения революционных масс. Отметим особо: с Н. П. Анциферовым и Ф. А. Фиельструпом (см. ниже) Глеба связывала тесная дружба. С А. П. Смирновым и А. А. Гизетти – по меньшей мере товарищество.

Что касается *Сергея Карловича Вржосека (1867–1957)*, то он был в семье Бонч-Осмоловских своим человеком. Будучи по возрасту заметно старше Глеба и его друзей, Вржосек до революции успел получить известность, как юрист. Его политические симпатии принадлежали социал-демократам (меньшевикам) и эсерам. В судах он защищал всех, кто оказывался в оппозиции к действующему режиму. По семейному преданию, в число его подзащитных входили даже Ленин и Сталин. В 1909 г. в Минске С. К. Вржосек участвовал в процессе старших Бонч-Осмоловских, которых обвиняли (кстати, вполне обоснованно!) в том, что они превратили собственное имение в «революционное гнездо». Обвиняемые были оправданы, а адвокат стал мужем Ирины Анатольевны Бонч-Осмоловской, сестры Глеба. У них родилось двое детей.

Многочисленные упоминания имени С. К. Вржосека в брошюре П. А. Куликовского позволяют видеть в нем одну из ключевых фигур ССР. В списке «членов Совета» он назван первым. Мы видим его и в числе лекторов-преподавателей, и в списке авторов популярных брошюр, изданных Союзом. В частности, его перу принадлежала книжка: «Почему нужна дисциплина Народной Армии».

Присутствие в Совете ССР этого пожилого юриста, издавна связанного с революционными кругами, кажется вполне логичным. Куда удивительнее выглядит появление там такой личности, как Ф. А. Фиельструп¹. В современной

¹ *Фиельструп Фёдор (Теодор) Артурович (1889–1933)* – выдающийся российский этнолог широкого профиля. Окончил Петроградский университет (1916) по историко-филологическому факультету. Одновременно слушал лекции Л.Я. Штернберга по этнографии в Географическом кружке при университете. Член Эрмитажного кружка. Один из ближайших друзей Г. А. Бонч-Осмоловского и его семьи. Еще в период учебы стал участником российско-американских экспедиций на Кавказ, в Монголию (1912–1913) и в Южную Америку (1914–1915). Собрал и привез в Россию ценные материалы по этнографии латиноамериканских народов. В 1916 г. был принят на работу в МАЭ. В 1918 г. переехал в Приуралье, затем в Томск, занимался составлением этнической карты региона. Был мобилизован в армию А. В. Колчака, служил переводчиком. С 1920 г. – преподаватель Томского университета. В 1921 г. вернулся в Петроград. Работал в Академии наук (КИПС) и Этнографическом отделе Русского музея. Автор ценнейших исследований по этнографии тюркских народов, публикация которых началась лишь на рубеже XX–XXI вв. Был арестован одновременно с Г. А. Бонч-Осмоловским в конце ноября 1933 г. по «Делу Российской национальной партии». На одиннадцатый день пребывания в Доме предварительного заключения покончил с собой – выпил в камере стакан крутого кипятка и умер от отека легких.

историографии он предстает перед нами выдающимся ученым, «подстреленным на взлете». Его главные труды так и остались незаконченными. По дурной русской традиции их продержали на полке 70 лет, прежде, чем выпустить в свет. Но и через 70 лет они поразили ученых своим изяществом, глубиной и фундаментальностью (Кармышева, 1988; 1999; Фиельструп, 2002).

Воспоминания друзей, сохранившиеся в семейном архиве Бонч-Осмоловских, рисуют Фёдора Артуровича человеком исключительной порядочности, цельным и безупречно воспитанным. В кругу близких он звался «Фаф». Ольга Георгиевна Бонч-Осмоловская писала о нем: «...Фаф был наш друг и золотой человек. Золотые были его волосы и его характер. [...]. Его любили, при нём не злословили и не ругались, он же никогда и никого не осуждал. На наших вечеринках, бывало, что кто-нибудь, и чаще всего Глеб, сгоряча отпустит вольную шутку, расскажет двусмысленный анекдот, взглянет на Фафа и сконфузится. Фаф не смеялся, и этого было достаточно. Он был из тех людей, какими чаще всего бывают женщины, похожие на цветы...» (Арх. авт.).

В имеющихся ныне жизнеописаниях Ф. А. Фиельструпа, период между началом работы в МАЭ (1916) и переездом в Приуралье (осень 1918) представляет собой белое пятно. Между тем, сведения о его гражданской активности при Временном правительстве (член Совета ССР) (Куликовский, 1917: 2) позволяют взглянуть на этого молодого ученого с неожиданной стороны. Без сомнения, Фаф был человеком твердых принципов. После Февраля в его многогранной натуре нашлось место серьезному увлечению общественно-политической деятельностью, наряду с научной. Впрочем, для недавнего «эрмитажника» подобное сочетание выглядит вполне логичным.

Последнее следует отнести и к Н. П. Анциферову. Мы видим его в числе лекторов Первого матросского университета (Там же: 22–27), где он вел занятия по истории XIX в. Краткий конспект этого курса был опубликован им отдельной брошюрой, под грифом ССР. Насколько я могу судить, его биографам этот факт неизвестен. Поэтому можно констатировать: материалы архива Г. А. Бонч-Осмоловского позволяют заполнить некоторые белые пятна в истории общественно-политических движений 1917 г. и дают богатую пищу для размышлений на тему «интеллигенция и революция».

Сам Г. А. Бонч-Осмоловский ни разу не упомянут в брошюре П. А. Куликовского. Но это вполне объяснимо: в отличие от своих друзей, давно окончивших университет и готовившихся к профессуре, Бонч в начале 1917 г. представлял из себя недоучившегося студента. Ведь он сорвался на фронт с последнего курса, не сдав экзаменов... Поэтому никак не годился на роль лектора в стенах Петроградского университета. А матросские курсы открылись именно там, и вели их квалифицированные преподаватели.

Однако упоминания П. А. Куликовского о «Солдатском Университете», о лекциях и концертах, проводимых непосредственно в воинских частях, дает нам косвенное указание на характер деятельности Г. А. в рамках ССР. Будучи сам солдатом и окопником (и при этом ярким, находчивым оратором), он был, конечно, незаменим на собраниях такого уровня. О том, что Г. А., действительно, был своим в солдатской среде и прекрасно умел разговаривать с солдатами, свидетельствуют

записи в его личном дневнике за 1916–1918 годы. Пожалуй, это не дневник в полном смысле слова. Это маленькая тетрадка без обложки, заполненная весьма колоритными записями, сделанными для памяти:

Г. А. Бонч-Осмоловский с сыном Андреем в день возвращения из Воркуты. 1936 г.

«1916. 1/VI. Из вагонных разговоров. Полное отделение вагона солдат [...]. За неимением другого места, я уселся на своем аппарате на площадке вагона – пол грязный, лечь не решался; скоро один из стоявших в проходе храбро залег рядом со мной. Я крепился, но когда послышалось ровное успокоенное дыхание соседа, не утерпел. Аппарат переместился под голову, и через минуту я дремал, т.к. спать было нельзя: мои ноги загораживали проход, на них поминутно натывались, толкали, наступали и при этом звучно ругались.

Наконец, привык к этому и забылся. Через час почувствовал ноющую боль в ногах, спросонья попытался брыкаться, ворочаться, но ноги были как в тисках; открыл глаза: на нас четверых сидело человек пять дюжих окопников. «Эй, земляк, ты бы полегче!» Ко мне медленно повернулось добродушное, все обросшее густой рыжей бородой, лицо с толстыми, грубыми, но очень добрыми чертами лица и с выдавшими войну глазами. «Да я уж и так... ты бы вот сел лучше, а то как тут уместиться!» Делать было нечего: аппарат опять съехал назад, и мы разговорились. «В отпуск? – В отпуск. – Далеко? – В Тобольскую. – Надолго? – 28 дней...» Потом дальше рассказывал охотно, не бахвалясь, видно прямо из окопов. Побывшие в

тылу или молчат, или бахвалятся, говорят уже рассказанное, заученное, полузабытое.

«Вот есть у нас ребята, с начала войны, все там, опытные, а отличий не имеют. Я хоть шесть месяцев в тылу побыл, а другие так и все время там... – Отчего же так? – А Бог его знает...» Медленно так, задумчиво говорит: «Начальство не жалуется... Вот у меня был случай, трудное раз дело сделал: надо было сторожевое охранение поставить за лес, а он так и кроет пулеметом да шрапнелью, и лес как живой гудёт; ползком лезли часовых менять, и хоть бы одного человека потерял! А пришел назад, ротный не то, что отличия бы, ну, а хоть бы пожалел, али поругал, а то – ничего. – Так ничего и не сказал? – Ничего. Ну, говорю, хоть пожалей али поругай. А так ведь и обидно». [...].

1917. 1/III. «Теперь долго война будет. – Почему? – Да как же, народное пошло, скоро ведь не кончат».

3/III. Набираем кипятку из куба. Заспорили с солдатом из-за очереди; подходит третий: «Тише, ребята, не ссорьтесь, теперь ведь новое министерство, все ладом да миром надо» (Арх. авт.).

Эта последняя запись явно отражает приподнятый настрой, в котором молодой Г.А. принялся за работу в Союзе солдат-республиканцев.

4.2. «Народная правда» и эволюция мировоззрения Г. А. Бонч-Осмоловского

В первом варианте своих воспоминаний об отце, составленном в конце 1980-х гг., Андрей Глебович Бонч-Осмоловский писал: «...Следует еще отметить умение отца разговаривать с так называемым простым народом. И в Оредежи, и потом в Казани я всегда поражался его спонтанным долгим беседам с любым встречным пастухом, огородником, просто соседним крестьянином. Обычно они присаживались около дороги, доставался табак, махорка или папиросы и начиналась долгая задушевная беседа „за жизнь“, я же терпеливо толочся рядом, иногда с интересом прислушиваясь. В какой-то степени эта способность отца оставалась для меня загадкой, но запала в душу...» (Арх. авт.).

Умение Г.А. говорить с людьми и полное отсутствие сословных предрассудков, действительно, составляли его характерную особенность, уходящую корнями в детские годы. Это заметно облегчало ему контакты с самыми разными персонажами, в том числе и с новыми советскими «выдвиженцами», «весьма далекими от его интересов» и нередко вызывавшими неприятие у людей его круга. Это подчеркивает А.Ф. Бонч-Осмоловский, упоминая о собственных контактах с Глебом в Главнауке в ходе подготовки Крымской экспедиции 1924 г.¹

В воспоминаниях Н. П. Анциферова подчеркнуто, что при первом знакомстве с Глебом всем бросался в глаза его «скепсис» и «охлажденный ум». Но скепсис был только маской, точнее – одной из граней одаренной натуры. И это сполна

¹ Последнее, кстати, бросает свет на то, откуда и как добывались деньги на раскопки. Ведь Этнографический отдел Русского музея, где работал Г. А., финансово поддерживал только его исследования по этнографии Крыма. Для оплаты археологических раскопок приходилось задействовать самые неожиданные каналы, используя «личные связи» (одной из которых и являлся его родственник Александр Фёдорович Бонч-Осмоловский).

проявилось в решении Г. А. отправиться на войну добровольцем. В уже упомянутой выше «маленькой тетрадке» под 1916 г. имеется такая запись:

«Я помню то, уже далекое прошлое, когда жизнь размеренная, замкнутая в узком кругу личного, вдруг в несколько дней приобщила к жизни мира, когда сердце страдало и радовалось за него. Помню восторг этого соединения и те надежды на очищение человечества в горниле великой, надвигавшейся тогда трагедии. Мне казалось, что война разрушит круговорот обыденности, поставив человека лицом к лицу со смертью, [...], заставив его сначала помимо воли, а затем и добровольно променять „свое“ на служение общему, необъятному, принести себя в жертву, [...], покажет, что вот она – жизнь истинная, жизнь сушая, человеческая [...]. Это не оправдалось...» (Арх. авт.).

Приведенный отрывок обнажает бездну идеалистического и романтического сознания, скрытого под личиной бывалого, насмешливого скептика. Ясный, холодный, логический ум непостижимым образом уживался в Г. А. с пламенной душой фанатика, жаждущего своей веры. Приведенное выше письмо его к Н. П. Анциферову (документ 3.3) написано именно в период упований на грядущее очищение и выход из «круговорота обыденности». Это письмо лучше, чем любые воспоминания, отражает воззрения Г. А. на историю и на народ как таковой. Оно демонстрирует почти религиозную веру в *справедливость конечного народного выбора*, который делается простыми людьми «в массе», на уровне инстинкта и чутья. Истоки подобных воззрений следует искать в философии Л. Н. Толстого и – в еще большей степени – П. А. Кропоткина (см. коммент. 28)¹.

Все это хорошо объясняет неверие в близость революции. Из откровенных разговоров между родными Глеб с ранней юности знал подноготную многих революционных выступлений и считал, что в массе народ их не понимает и не сочувствует им². Действительно, в первой половине 1910-х гг. «народ безмолвствовал»... Иная ситуация сложилась в конце 1918 г. Но не будем забегать вперед.

Одна из записей в маленькой тетрадке сделана Г. А. Бонч-Осмоловским 7 марта 1918 г. Она неопровержимо свидетельствует, что отмеченная Александром Фёдоровичем «ненависть к самодержавию», якобы отличавшая Г. А., представляла собой не более, чем привычный словесный штамп 1950-х гг. Но и «поворот в сторону большевиков», о котором свидетельствуют оба мемуариста, совершился далеко не сразу. Впрочем, источник говорит тут сам за себя:

«Вот кончается эта грандиозная по своей трагичности эпоха истории, перевертывается этот лист, исписанный кровью и слезами наших надежд, наших падений, догорают развалины величайшей империи – плоти, чьим духом мы жили; умрет ли дух вместе с плотью, умрет ли русская культура вместе со смертью русского царства? Или: „Все грехи выпуклы, как никогда. Начинается эра

¹ Кстати, можно отметить интересную деталь: именно в конце 1914 г. Г. А. вместе с Н. П. Анциферовым вступают в Религиозно-Философское общество (в Петрограде). Рекомендовал их туда известный историк церкви, в будущем – последний обер-прокурор Святейшего Синода и первый министр исповеданий Временного правительства А. В. Карташёв (ОР РНБ, ф. 601, д. 1574, л. 1–2).

² Это отнюдь не мешало Г. А. относиться ко многим революционерам (и, в первую очередь, к своим родным) с любовью и уважением.

духовного возрождения русского народа, под знаком религии, народности, государственности. [...]. Узнайте в этих закатных лучах лучи предрассветные. Они слиты. Это белая ночь". Так пишет Анциферов, так думает в глубине души своей каждый любящий Россию. Больше нам ничего не остается. Мы растеряли ее по кускам, мы потеряли любовь к ее плоти, терзающей и истерзавшей нас.

Боже мой! Но как могло так случиться, что крупнейшее государство, живой организм вдруг разлезся по всем швам, оставив только кучу трухи большевизма? Разве не было людей, разве не было у них любви к родине, разве не умирали они три года за нее? Так что же это? Кто виноват? [курсив мой. – Н. П.]» (Арх. авт.).

Этот сакраментальный вопрос вполне понятен. Именно в начале марта 1918 г. Центральная Рада Украины и Советская Россия заключили мир с немцами в Брест-Литовске. По условиям этого мира Россия теряла около миллиона квадратных километров территории, обязывалась уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок и провести полную демобилизацию армии и флота. В юго-западные губернии были немедленно введены немецкие войска, и из страны, без того разоренной войной и безначалием, пошли эшелоны с продуктами – в воюющую Германию.

Данная запись, точно датированная, помогает понять: весной 1918 г. Г. А. был еще очень далек от того, чтобы симпатизировать большевикам. И в этом, кстати, с ним оказались едины все его родственники. Ни один из них не принял участия в революции после Октября.

Возникает вопрос: когда же случилась пресловутая «переоценка ценностей»? Вторую хронологическую веху (хотя и менее надежную) дают нам материалы Ольги Георгиевны. В ее воспоминаниях о Г. А. и в документальной повести «Одна судьба» их первая встреча с ним на корабле, шедшем из Ялты в Севастополь, приурочена к ноябрю или шире – «зиме» 1918 г.:

«...За столом [в кают-компании] веселились солдаты, то ли демобилизованные, то ли бежавшие с фронта. Один из них, бритый наголо, с широкой улыбкой, которая светилась в сумерках, повернулся к нам и попросил нож, чтобы разрезать хлеб. Моя свекровь торопливо подала ножик, он же взглянул на меня – словно просверлил – маленькими умными глазами. Поразил меня голос с вкрадчивыми интонациями и белорусским незнакомым акцентом.

Потом мы стояли у окна. [...]. Мой спутник в лихорадочном возбуждении рассказывал о настроениях солдат на фронте, и о полученном на войне туберкулезе, и о Петербургском университете, и об этнографии, и о путешествиях по Кавказу, где он этой наукой занимался, и о том, что после Октябрьской революции наступит новая эра. Слушать все это было интересно и удивительно...» (Морозова, 1976, с. 133–134).

Таким образом, перемена отношения Г. А. к большевикам произошла в 1918 г., предположительно, во второй его половине, не позднее ноября. Это был период резкого перелома политической обстановки. Действительно, союзники Германии еще в сентябре начали капитулировать перед Антантой, а 11 ноября было заключено Компьенское перемирие. Австро-немецкие войска уходили с Украины. Носились упорные слухи о революции в Германии. Красные, между тем, еще весной-летом 1918 г. начали активно создавать т. н. «завесу» для обороны внешних

границ, выдвинув лозунг защиты Отечества и этим привлекая туда бывших царских офицеров. 8 мая 1918 г. по приказу Л. Д. Троцкого был создан Всероссийский Главный штаб и восстановлено единоначалие в армии (отмена которого Временным правительством развалила старую армию лучше всякого внешнего врага). Нечего особенно удивляться, что уже к концу 1918 г. в РККА пришло на службу более 22 тысяч «военспецов» (Кантор, 2013). Эволюция взглядов Г. А. в подобном контексте не представляет собой ничего удивительного.

Впрочем, до поры до времени все это оставалось для него лишь умозрительными рассуждениями, предназначенными, скорее, для эпатажа окружающей публики, боявшейся большевиков как огня. Напомню: участником Гражданской войны Г. А. так и не стал – ни с той, ни с другой стороны. И это, безусловно, имело глубокие причины. Вступать в партию большевиков он не пытался никогда – даже в тот период, когда ему «светила» карьера крупного советского чиновника. А вот в работе красного подполья при Врангеле он, действительно, участвовал. Хотя толчком, направившим его туда, послужил, казалось бы, случайный эпизод – личная встреча Г. А. с красным командармом И. С. Кожевниковым в Ялте в июне 1919 г. Кожевников был профессиональным разведчиком, создававшим в Крыму красную резидентуру. Он прекрасно умел входить в доверие к интеллигентам... Данный эпизод описан мною в одной из предыдущих публикаций (Сомова, Платонова, 2012: 43–44). Его детальный анализ в контексте истории Гражданской войны в Крыму должен стать темой отдельной работы.

Заключение

Семейный архив Г. А. Бонч-Осмоловского содержит ценные материалы, способные пролить свет на многие проблемы политической и культурной истории России первой половины XX в. С их помощью заполняется ряд «белых пятен» в биографиях видных деятелей отечественной науки и просвещения тех лет. Здесь также содержатся важные источники по истории общественно-политических инициатив и движений в период между февралем и октябрём 1917 г., Гражданской войны и т. д. Обобщение и издание этих материалов в настоящее время стало насущной задачей. Конечной целью работы должна стать монография, посвященная жизни и творчеству выдающегося ученого-энциклопедиста Г. А. Бонч-Осмоловского, рассмотренным в детальном социокультурном контексте.

Список использованных источников и литературы

1. Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. 510 с.
Antsiferov N. P. Iz dum o bylom. Vospominaniya. M., 1992. 510 s.
2. Бонч-Осмоловские. Воспоминания / ред.-сост. Е. А. Бонч-Осмоловская. М.: Научная книга, 2015. 580 с.
Bonch-Osmolovskie. Vospominaniya / red.-sost. E. A. Bonch-Osmolovskaya. M.: Nauchnaya kniga, 2015. 580 s.
3. Бонч-Осмоловская О. Г. «Документ эпохи редкостный...» / Подг. текста, ред., вступ. ст. и комм. Н. И. Платоновой // Культурное наследие Российского государства. СПб., 2010. Вып. 2, ч. 2. С. 269–288.

- Bonch-Osmolovskaya O. G. «Dokument epokhi redkostnyi...» / Podg. teksta, red., vstup. st. i komm. N. I. Platonovoi // Kul'turnoe nasledie Rossiiskogo gosudarstva. SPb., 2010. Vyp. 2, ch. 2. S. 269-288.
4. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 1: Грот Киик-Коба. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 226 с.
- Bonch-Osmolovskii G. A. Paleolit Kryma. Vyp. 1: Grot Kiik-Koba. M.; L.: izd-vo AN SSSR, 1940. 226 s.
5. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма. Вып. 3: Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-коба / редакция и дополнения В. В. Бунака. М.; Л.: АН СССР, 1954. 398 с.
- Bonch-Osmolovskii G. A. Paleolit Kryma. Vyp. 3: Skelet stopy i goleni iskopaemogo cheloveka iz grotа Kiik-koba / redaksiya i dopolneniya V. V. Bunaka. M.; L.: AN SSSR, 1954. 398 s.
6. Бонч-Осмоловский И. А. Семейная хроника // Бонч-Осмоловские. Воспоминания / ред.-сост. Е.А. Бонч-Осмоловская. М.: Научная книга, 2015. С. 5-238.
- Bonch-Osmolovskii I. A. Semeinaya khronika // Bonch-Osmolovskie. Vospominaniya / red.-sost. E.A. Bonch-Osmolovskaya. M.: Nauchnaya kniga, 2015. S. 5-238.
7. Васильев С. А. Г. А. Бонч-Осмоловский и современное палеолитоведение // Российская археология. 1994. № 2. С. 202–207.
- Vasil'ev S. A. G. A. Bonch-Osmolovskii i sovremennoe paleolitovedenie // Rossiiskaya arkheologiya. 1994. № 2. S. 202–207.
8. Добкин А. И. Аннотированный указатель имен // Анциферов Н. П. Из дум о былом. Воспоминания. М., 1992. С. 458–510.
- Dobkin A.I. Annotirovannyi ukazatel' imen // Antsiferov N.P. Iz dum o bylom. Vospominaniya. M., 1992. S. 458–510.
9. Кантор Ю. Белые в красном // Российская газета – Федеральный выпуск 2013.– 29 янв. <https://rg.ru/2013/01/29/belye.html>
- Kantor Yu. Belye v krasnom // Rossiiskaya gazeta – Federal'nyi vypusk 2013.– 29 yanv.
10. Кармышева Б. Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы: Полевые исследования Ф. А. Фиельструпа. – ОИРЭФАМ., 198 . Вып. 10. С. 38–62.
- Karmysheva B. Kh. Etnograficheskoe izuchenie narodov Srednei Azii i Kazakhstana v 1920-e gody: Polevye issledovaniya F. A. Fiel'strupa. – OIREFAM., 198 . Vyp. 10. S. 38-62.
11. Кармышева Б. Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: Жизненный путь Ф. А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Восточная литература, 1999. С. 152–163.
- Karmysheva B. Kh. Ot tropicheskikh lesov Amazonki do tsentral'noaziatskikh stepei: Zhiznennyi put' F. A. Fiel'strupa // Repressirovannye etnografy. Vyp. 1. M.: Vostochnaya literatura, 1999. S. 152–163.
12. Клейн Б. С. В годину испытаний. Минск, 1986.
- Klein B. S. V godinu ispytanii. Minsk, 1986.
13. Конкин П. Примечания / Грачев Г. Якутский поход генерала Пепеляева / публикация и примечания П. Конкина // Илин. Историко-географический, культурологический журнал. 2005. № 6 (47). <http://ilin-yakutsk.narod.ru/>
- Konkin P. Primechaniya / Grachev G. Yakutskii pokhod generalа Pepelyaeva / publikatsiya i primechaniya P. Konkina // Ilin. Istoriko-geograficheskii, kul'turologicheskii zhurnal. 2005. № 6 (47).
14. Кропоткин П. А. Взаимная помощь как фактор эволюции. – М.: Наука, 1995.
- Kropotkin P. A. Vzaimnaya pomoshch', kak faktor evolyutsii. – M.: Nauka, 1995.
15. Морозова О. Г. Одна судьба // Новый мир. 1964. № 9. С.86–150.
- Morozova O. G. Odnа sud'ba // Novyi mir. 1964. № 9. S.86–150.
16. Морозова О. Г. Одна судьба. Л.: Советский писатель, 1976. 192 с.
- Morozova O. G. Odnа sud'ba. L.: Sovetskii pisatel', 1976. 192 s.
17. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: Этапы творческой биографии // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1995.С.121–144.
- Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskii: Etapy tvorcheskoi biografii // Sankt-Peterburg i otechestvennaya arkheologiya. SPb.: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 1995.S.121–144.
18. Платонова Н. И. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский: судьба ученого (по страницам семейного архива) // Археологические вести. 2005. № 12.С. 301–315.

Platonova N. I. Gleb Anatol'evich Bonch-Osmolovskii: sud'ba uchenogo (po stranitsam semeinogo arkhiva) // *Arkheologicheskie vesti*. 2005. № 12.S. 301-315.

19. Платонова Н. И. Г. А. Бонч-Осмоловский: путь в археологию // *Российская археология*. 2009. № 1. С. 166–174.

Platonova N. I. G. A. Bonch-Osmolovskii: put' v arkheologiyu // *Rossiiskaya arkheologiya*. 2009. № 1. S. 166–174.

20. Сомова Л. М., Платонова Н. И. Георгий Павлович Сомов. – Владивосток: Медицина ДВ, 2012. 254 с.

Somova L. M., Platonova N. I. Georgii Pavlovich Somov. – Vladivostok: Meditsina DV, 2012. 254 s.

21. Фиельstrup Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. / Отв. ред. Б. Х. Кармышева, С. С. Губаева. – М. : Наука, 2002. 300 с.

Fiel'strup F.A. Iz obryadovoi zhizni kirgizov nachala KhKh v. / Otv. red. B. Kh. Karmysheva, S. S. Gubaeva. – М. : Nauka, 2002. 300 s.

Platonova N. I. By biographies Bonch-Osmolovsky: sources and comments.

The article on the basis of little known sources, materials from the family archive restored the history of the formation of the archival heritage of the outstanding Soviet archaeologist and anthropologist, doctor of historical Sciences G. A. Bonch-Osmolovsky (1890–1943). The main problem of availability of unpublished heritage of the scientist concentrated in the departmental archives of St. Petersburg. The detailed analysis of the status of personal archives of G. A. Bonch-Osmolovsky, a information, supplemented by information from the family archive. Introduced into the scientific circulation of an unpublished essay by A. F. Bonch-Osmolovsky, uncles scientist, made relevant comments. Also published unknown entries from the diary of G. A. Bonch-Osmolovsky period 1916–1918, which help to trace the evolution of the socio-political views of the scientist, the formation of his attitude towards revolutionary events. Formulated the conclusion about the necessity of monographic coverage of life, scientific way and analyzing the legacy G. A. Bonch-Osmolovsky.

Keywords: G. A. Bonch-Osmolovsky, N. V. Tageeva, A. G. Bonch-Osmolovsky, A. F. Bonch-Osmolovskaya, family archive.